

диалектных словарей» охарактеризовал значение изучения диалектной лексики, дал обзор существующих типов словарей и рассмотрел принципы построения словарных статей. Доклад строился на материале иберийско-кавказских языков, с использованием материалов русского языка.

В прениях по докладом много внимания было уделено тем трудностям, которые возникают главным образом при изучении бесписьменных и слабоизученных языков в отношении разграничения языков и диалектов, диалектов и говоров. Выступавшие привели конкретные примеры затруднений такого рода.

Все выступавшие подчеркивали также необходимость систематического (а не выборочного) изучения говоров для характеристики диалекта и систематического изучения диалектов для характеристики языка. Выступавшие считали необходимым вести собирание диалектологического материала исключительно методом непосредственного наблюдения над живой речью и выдвигали требование, чтобы исследователи всегда знали практически изучаемый язык. Отмечалась роль проведения магнитофонных записей и экспериментальных исследований, подчеркивалась необходимость разработки единой системы транскрипции для иберийско-кавказских языков.

На совещании было признано, что применение метода лингвистического картографирования диалектных данных наиболее целесообразно в настоящее время по отношению к таким языкам, как грузинский, адыгейский, даргинский, аварский, лезгинский. Обращалось внимание на различия, имеющиеся между монографическим изучением лексики и разработкой лексических данных в областных словарях. На материале отдельных языков было показано значение изучения топонимики и этнонимики. Представители научно-исследовательских учреждений выступили с сообщениями о состоянии работы на местах, приводя одновременно новые данные, полученные при изучении говоров того или иного языка за последнее время.

По всем вопросам были приняты решения, отражающие проведенное обсуждение вопросов; была также специально подчеркнута необходимость координации диалектологической работы с этнографами и историками. Совещание решило возбудить ходатайство перед Президиумом Академии наук СССР о создании специального кавказоведческого органа.

В. Г. Орлова

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

I

27—30 ноября 1956 г. в Институте языкознания АН СССР проходила научная сессия, посвященная вопросам германского языкознания. В работе сессии, помимо научных сотрудников Института, приняло участие более 200 человек — специалистов по истории и теории английского и немецкого языков, студентов и аспирантов вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Баку, Еревана, Тбилиси, Риги, Вильнюса, Тарту, Горького, Иркутска, Львова, Черновид и других городов.

В своем вступительном слове заведующая Сектором германских языков проф. В. Н. Ярцева указала на актуальность широкого обсуждения научной общественностью основных проблем сравнительной грамматики германских языков в связи с подготовкой Сектором коллективного труда «Сравнительная грамматика германских языков». На сессии были заслушаны и обсуждены доклады и проспект «Сравнительной грамматики германских языков»¹.

Член-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский (Ленинград) в докладе «Сравнительно-историческая грамматика и диалектология» подчеркнул роль диалектологии и диалектографии в сравнительно-историческом изучении древних германских языков, указав на то, что данные современной диалектологии и диалектографии должны служить необходимым восполнением сравнительно-исторического изучения древних письменных памятников.

Признавая научное значение реконструкции архетипов языка-основы, В. М. Жирмунский рассматривает ее как подчиненную более общей цели сравнительно-исторического языкознания — раскрытию общих закономерностей развития группы родственных языков.

В. М. Жирмунский рассмотрел три основных вопроса, непосредственно связанных с проблемой сравнительно-исторической грамматики и диалектологии: а) классифика-

¹ См.: «Научная сессия [Ин-та языкознания АН СССР] по вопросам германского языкознания. 27—30 ноября 1956. Тезисы докладов», М., 1956; «Сравнительная грамматика германских языков. Проспект», под ред. В. М. Жирмунского и В. Н. Ярцевой. М., 1956.

пия древнегерманских языков в свете исторической диалектологии; б) установление фонетической и грамматической системы древнегерманских языков; в) закономерности тенденции развития общенародного языка и их дифференциация в фонетико-грамматической системе диалектов. Учитывая сложные перекрещивающиеся процессы дифференциации и интеграции древнегерманских племенных диалектов в период их конкретного развития, В. М. Жирмунский подробно остановился на проблеме готско-скандинавского и западногерманского языкового единства. Опираясь на многочисленные данные современных диалектов, докладчик высказал предположение о том, что умлаут представляет собой общегерманское явление, а не является особенностью, присущей только отдельным германским языкам.

В докладе ст. научн. сотрудника Института языкознания Э. А. Макаева «Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения» были освещены те процессы, которые происходили в системе согласных в эпоху выделения из индоевропейских диалектов ряда наречий, давших впоследствии основание для складывающейся германской языковой общности. В формировании и развитии германских языков Э. А. Макаев выделил две эпохи: протогерманскую, охватывающую период от выделения из индоевропейских диалектов ряда наречий до стабилизации германской языковой общности, и общегерманскую — от германского праязыка до начала письменной фиксации речи на отдельных германских диалектах.

Докладчик указал на несомненную плодотворность принципа целостного структурного анализа явлений, установившегося в современных лингвистических исследованиях, в противоположность тому распыленному изучению языковых фактов, какой был столь типичен для младограмматиков.

Применение принципов исторической фонологии при любом исследовании строения современных языков дает ценные результаты, обеспечивающие более глубокое понимание механизма действия языковых процессов, происходивших в отдаленные эпохи развития языка. Однако неразработанность исторической фонологии как лингвистической дисциплины в ряде случаев дает отрицательные результаты, например, применение так называемой теории звуковых вытеснений в явлении передвижения согласных по существу ничего не объясняет, поскольку она лишь регистрирует сдвиги в фонологической системе, но отнюдь не вскрывает тех процессов, какие находятся в основе происходивших в ней перестановок. Реконструировав консонантизм протогерманской и общегерманской эпох, Э. А. Макаев высказал предположение о том, что германские языки относились к тем индоевропейским диалектам, в системе согласных которых характерным было противопоставление не по сонорности (глухость — звонкость), а по напряженности — ненапряженности, в результате чего третий акт передвижения согласных следует считать не чем иным, как отражением регионального индоевропейского явления. Особенно важное значение для развития фонетического строя германских языков имели два явления регионального индоевропейского консонантизма: а) дезаспирация звонких смычных с последующей спонтантацией и б) реализация глухих смычных с придыханием.

Доктор филол. наук проф. М. И. Стеблин-Каменский (Ленинград) в докладе «К вопросу об умлауте в германских языках» разграничил пять различных процессов, объединяемых обычно одним традиционным термином «умлаут»: а) регрессивная ассимиляция гласных; б) возникновение новых гласных фонем из позиционных вариантов, обусловленных регрессивной ассимиляцией гласных; в) перераспределение гласных фонем, обусловленное регрессивной ассимиляцией; г) возникновение грамматических чередований гласных, сопровождающее перераспределение гласных фонем; д) само чередование гласных.

Рассматривая регрессивную ассимиляцию гласных как явление синхроническое, не нарушаемое действием грамматической аналогии, М. И. Стеблин-Каменский отметил диахронический характер и скачкообразность возникновения и перераспределения новых гласных фонем. Возникновение новых гласных фонем, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, предполагает исчезновение или редукцию ассимилирующего звука. Докладчик указал, что разграничение факта возникновения чередований от самих чередований подразумевает признание двух взаимно исключающих точек зрения — синхронической и диахронической и потому не может быть последовательно проведено.

Доктор филол. наук проф. М. М. Гухман (Москва) в докладе «Сравнительная грамматика и приемы типологических исследований», указав на важность расширения и совершенствования исследовательских приемов в работах по сравнительной грамматике, выделила два вида типологических исследований, использующих разные приемы анализа — синхронно-типологические и историко-типологические. На основе сопоставления материала различных языков при синхронно-типологическом исследовании выделяются одинаковые или разные типы структурных отношений, в то время как при историко-типологическом исследовании устанавливаются относительную хронологию изучаемых строевых элементов, выделяют тенденции их развития, и, на основе обобщения полученных результатов, устанавливают общие закономерности развития языка.

М. М. Гухман особо подчеркнула тот факт, что историко-типологические исследования невозможны без предварительного сопоставительного анализа изучаемых структур; однако для задач сравнительной грамматики могут иметь вспомогательное значение лишь результаты и приемы анализа историко-типологических исследований, так как простое синхронное сопоставление с иноструктурными языками противоречит основной направленности и содержанию сравнительно-исторических исследований, произвольно и лишено необходимой научной объективности.

М. М. Гухман считает, что наибольшее значение историко-типологические исследования имеют при реконструкции истории языка-основы, а именно его фонологического и синтаксического развития. В сравнительно-историческом синтаксисе они могут играть лишь вспомогательную роль, а при реконструкции морфологических категорий вообще не применимы.

Доктор филол. наук В. Н. Я р ц е в а в докладе «Проблемы реконструкции синтаксиса группы близко родственных языков» указала на три возможных случая сходства синтаксических конструкций в родственных языках: 1) сходные синтаксические конструкции, унаследованные от языка-основы, опознавательными признаками которых служат: а) связь с морфологическими явлениями, б) отсутствие стилистической ограниченности при их употреблении, в) наличие прототипов в других индоевропейских языках; 2) сходные синтаксические конструкции, являющиеся результатом развития в родственных языках одной и той же конструкции языка-основы, полисемантической по своему существу. Опознавательными признаками данного типа служат: а) стилистическая вариативность употребления синтаксической конструкции, б) морфологическая вариативность членов конструкции, например: аппозитивные сочетания (приложение) в древнегерманских языках, выражение деятеля падежами родительным, творительным (дательным) и т. д.; 3) возникновение одинаковых синтаксических построений, не зависящих от унаследованного конструктивного образа, а основанных в первую очередь на мотивированности синтаксического объединения. Признаком в этих случаях служит сходство в использовании типов лексического материала, т. е. однородных классов лексем при одновременной лексической индивидуализации конструкций в каждом конкретном языке. Примером данного типа могут служить различные перифрастические конструкции, в частности конструкции с полусвязочными глаголами, использование для выражения степени качества наречий особого значения и т. д. Наибольшей достоверности достигает реконструкция тех синтаксических моделей, которые связаны с морфологическими особенностями языка-основы.

После докладов начались оживленные прения, в которых были предприняты попытки решения следующих проблем: 1) задачи сравнительно-исторического языкознания и роль диалектологии; 2) сущность фонологии и структурализма; 3) сущность процессов фонологизации и умлаута; 4) синхрония и диахрония; 5) степень применимости типологических исследований и задачи сравнительно-исторического синтаксиса.

Между участниками сессии обнаружилось противоречие в понимании задач сравнительно-исторического языкознания и места диалектологии в нем. М. М. Гухман и ст. научн. сотрудник Института языкознания Б. В. Горнунг считают, что основной задачей сравнительно-исторического языкознания является проблема реконструкции, без которой не может быть самой сравнительной грамматики. М. М. Гухман возражала против такого понимания задач сравнительно-исторического языкознания, при котором метод реконструкции рассматривается лишь как вспомогательное средство исследования, подчиненное более общей цели — раскрытию общих закономерностей развития группы родственных языков, так как без широкого привлечения данных реконструкции невозможно понять сами закономерности развития языков. М. М. Гухман высказала опасение, что при подобном понимании задач сравнительно-исторического языкознания сравнительная грамматика может превратиться в сопоставительную грамматику близко родственных языков. Роль диалектологии, по мнению М. М. Гухман, должна заключаться в том, чтобы помочь правильной реконструкции тех или иных явлений в языке-основе. Точку зрения М. М. Гухман и Б. В. Горнунга на задачи сравнительно-исторического языкознания поддержал также член-корр. АН СССР проф. Г. С. Ахвледиани (Тбилиси).

В. М. Жирмунский выразил твердое убеждение в том, что задачей сравнительно-исторической грамматики является не сама реконструкция, а рассмотрение на ее основе закономерных особенностей развития группы родственных языков. Реконструкция является всего лишь важным вспомогательным моментом при данном рассмотрении.

Очень полезным было обсуждение процессов, связанных с фонологией, в связи с чем встал вопрос о необходимости высказать свое отношение к структурализму. При этом обнаружилось, что выступающие вкладывают разный смысл в понятие структурализма. М. И. Стеблин-Каменский, отождествляя фонологию и структурализм, подчеркнул, что многие наши ученые, разрабатывая вопросы фонологии, сами того не подозревая, являются структуралистами по методу своего исследования

В. М. Жирмунский, отрицательно относясь к структурализму, выступил против отождествления фонологии и структурализма, так как, по его мнению, фонология и структурализм совершенно разные вещи: структурализм — это фонология в определенном толковании. Теоретические основы направления в языкознании, связанного с именами Трубецкого и Якобсона, несмотря на большие достижения этих ученых в разработке вопросов фонологии, представляются В. М. Жирмунскому ошибочными. Канд. филол. наук Н. Д. Андреев (Ленинград) признал целесообразность использования рабочих приемов структуралистов, отбросив философские основы структурализма. Б. В. Горнунг, высказав свое отрицательное отношение к структурализму, не согласился с положением Н. Д. Андреева о разграничении структурализма на какую-то философскую и практическую часть. Б. В. Горнунг указал на нецелесообразность дискуссии о структурализме на данной сессии, так как это отвлечет ученых от обсуждения конкретных вопросов германистики. Дискуссия о структурализме, по мнению Б. В. Горнунга, будет уместной на сессии по вопросам синхронии и диахронии, которая подготавливается сейчас Институтом языкознания.

Проф. Б. А. Ильиш (Ленинград), рассматривая затронутый в докладах В. М. Жирмунского и М. И. Стеблин-Каменского вопрос о фонологизации, высказал сомнения в том, что позиционный вариант гласного фонологизируется в результате отпадения (или редукции) ассимилирующего звука. Б. А. Ильиш предполагает, что фонологизация произошла до отпадения ассимилирующего гласного и осталась не отраженной в орфографии.

Канд. филол. наук Н. Ф. Пелевина (Черновцы), Г. С. Ахвледзиани и Н. Д. Андреев считают, что оттенок фонемы может реализоваться в самостоятельную фонему только при наличии определенных позиционных условий. Н. Ф. Пелевина указала также на то, что появление новых фонем нельзя ставить в зависимость от редукции, которая понимается как что-то единичное, мгновенное. Редукция — это сложный и длительный процесс. Н. Д. Андреев, возражая Б. А. Ильишу, обратил внимание на то обстоятельство, что если бы фонологизация позиционных вариантов происходила до того, как исчезли позиционные условия, породившие позиционный вариант, мы никогда не смогли бы их датировать. Однако из истории русского языка известно, когда палатализованные гласные превратились из позиционных вариантов в фонемы.

Канд. филол. наук Я. Б. Крупаткин (Харьков), рассматривая вопрос об относительной хронологии сопровождающих умлаутов, сделал вывод о том, что при умлауте редукция безударного в последующем слоге и образование новой фонемы на месте старой происходит одновременно, однако определяющей является редукция безударного, так как она связана с действием германского ударения. Принимая тезис постепенности развития языка, Я. Б. Крупаткин в то же время признал образование новых фонем качественным скачком. Б. В. Горнунг, отрицая скачкообразность развития языковых процессов, заявил, что позиционный вариант никогда не может сразу стать фонемой: между позиционным вариантом и фонемой предполагаются промежуточные состояния.

Не было единства мнений и по вопросу об умлауте. Проф. В. Г. Адмони (Ленинград), возражая М. И. Стеблину-Каменскому против слишком прямолинейного членения умлаута на пять моментов — три фонетических и два грамматических, которое, по мнению В. Г. Адмони, ничего не дает для понимания сущности умлаута, предложил рассматривать умлаут как единое, многоаспектное явление. Г. С. Ахвледзиани признал целесообразным рассматривать возникновение новых гласных фонем и их распределение, а также возникновение грамматических чередований и сами чередования как единые процессы. Н. Ф. Пелевина, одобряя выделение М. И. Стеблиным-Каменским пяти моментов умлаута, возражала В. Г. Адмони против рассмотрения умлаута как единого многоаспектного явления. В. М. Жирмунский и Б. В. Горнунг высказались против отождествления М. И. Стеблиным-Каменским умлаута и аблаута в современном немецком языке в одном термине «перегласовка», поскольку оба эти явления имеют в прошлом разное происхождение и, к тому же, умлаут представляет собою чередование определенных гласных, а аблаут является очень пестрым чередованием разных типов гласных. Б. В. Горнунг выразил опасение, что отождествление умлаута и аблаута приведет к признанию главного положения структуралистов — признанию чистых отношений и исключению из них самих членов, их роли и природных качеств.

Осуждая структуралистов за отрыв синхронии от диахронии, В. Г. Адмони, Г. С. Ахвледзиани, В. М. Жирмунский и Н. Д. Андреев высказались в пользу рассмотрения синхронии и диахронии в неразрывном единстве и взаимосвязи.

Канд. филол. наук И. Б. Хлебникова (Ленинград) допускает возможность анализа ряда явлений только в синхронном плане, если эти явления на определенном этапе развития языка теряют свою историческую сущность. В качестве примера И. Б. Хлебникова сослалась на отсутствие умлаута в современном английском языке. Проф. И. Е. Аничков (Ленинград), возражая против употребления терминов

«синхрония» и «диахрония», предложил широко пользоваться терминами «описательное» и «историческое» рассмотрение языка.

Рассматривая степень применимости типологических исследований и задачи сравнительно-исторического синтаксиса, проф. О. И. Москальская (Москва) указала, что типологический анализ более правомерен и продуктивен главным образом в области морфологии и отчасти синтаксиса. Главной задачей сравнительно-исторического синтаксиса, по ее мнению, является установление синтаксической модели. Реконструкция в области синтаксиса осложняется не столько большим материалом, сколько спецификой объекта изучения. В морфологии мы имеем дело как с конкретными словами в их материальной оболочке, так и с общими грамматическими типами. В синтаксисе изучаются только модели, отвлеченные от их реального языкового наполнения.

Доцент О. А. Норк (Москва), выразив сожаление о том, что в докладах ничего не говорилось об интонации, представляющей собою, по мнению О. А. Норк, материальное наполнение синтаксической модели, сказала, что если есть возможность вскрыть законы ударения в слове, то для исследователя не представляется невозможным наметить, хотя бы в общих чертах, определенные законы интонационного оформления структуры предложения.

Проф. Г. Н. Воронцова (Москва), возражал О. И. Москальской против ее понимания задачи сравнительно-исторического синтаксиса, высказала пожелание, чтобы при изучении грамматической структуры предложения шире использовались данные лексикологии. Указав на переработанность последней, Г. Н. Воронцова выразила твердую уверенность в том, что в лексике, так же как и в фонетике, существует определенная система. Научный сравнительно-исторический синтаксис может быть построен только с учетом определенных лексических групп.

Проф. В. М. Жирмунский, отметив важность историко-типологических исследований для сравнительной грамматики, в то же время указал, что синхронно-типологические исследования не отличаются сколько-нибудь существенно от серьезно задуманной сопоставительной грамматики. В. М. Жирмунский считает также, что типологические исследования в области фонетики не применимы.

Во время обсуждения докладов затрагивались также вопросы, связанные с понятием системы языка, терминологией и многими другими проблемами. Так, например, Н. Д. Андреев, разделяя точку зрения Э. А. Макаева в трактовке системы согласных в германских языках, предложил свою, состоящую в том, что исходным во всем индоевропейском ареале было противопоставление согласных по силе, которое постепенно сменялось противопоставлением по звонкости.

Канд. филол. наук Б. М. Задорожный (Львов) возражал против того, что в индоевропейскую эпоху произошла дезаспирация звонких смычных с последующей сплантализацией. Рассматривая вопрос хронологии протогерманской и общегерманской эпох, Н. Д. Задорожный указал, что, допуская начало общегерманской эпохи с момента закрепления ударения в германских языках на первом слоге, придется признать, что общегерманская эпоха начинается после действия закона Вернера, который действовал еще тогда, когда ударение было подвижное.

Б. В. Горнунг подчеркнул особую специфичность метода реконструкции в области синтаксиса, а также остановился на характеристике того направления в языкознании, которое стремится ликвидировать разрыв между сравнительно-историческими и типологическими исследованиями (В. П. Леман, Э. Леви). Доцент Е. И. Долицкий (Иваново) указал на необходимость при исследовании синтаксиса учитывать диалектику, а также проследить развитие аналитических конструкций в германских языках. Е. И. Долицкий допускает возможность реконструкции в области синтаксиса при сравнительно-историческом исследовании.

Обсуждение проспекта «Сравнительной грамматики германских языков» началось выступлением В. Н. Ярцевой, которая обрисовала характер и направление предпринимаемого исследования и содержание отдельных томов. Прения по проспекту свелись в основном к обсуждению структуры «Грамматики» и терминологии.

Проф. Б. А. Ильин высказал пожелание, чтобы авторы «Грамматики» более четко очертили хронологические рамки проводимого исследования, изложили существующие точки зрения по рассматриваемым вопросам, а «Морфологию» дополнили самостоятельными разделами «Система частей речи», «Союзы», «Частицы». Б. М. Задорожный предложил предослать труду «Введение», в котором должны быть раскрыты сущность типологических исследований и содержание терминов «сравнение» и «составление». В. П. Мажюлис (Вильнюс) просил учесть балто-германские связи, а также германские заимствования в балтийских языках. В. П. Мажюлис отметил тот факт, что в балтийских языках меньше древнейших германских заимствований, чем в славянских. Г. С. Шубин (Пятигорск) предложил назвать «Грамматику» «Сравнительно-историческим исследованием древних германских диалектов».

Н. Д. Андреев настаивал на выделении вопросов словообразования и проблемы образования и развития германских языков в отдельные тома. Весь труд, в который, по мнению Н. Д. Андреева, необходимо включить и описание современного состояния

германских языков, следовало бы озаглавить «Историческое развитие германской группы языков». О. С. Широков (Черновцы) предложил учесть германские заимствования в балканских языках. Е. Н. Риттер (Горький) высказалась в пользу выделения проблемы частей речи в самостоятельный раздел. Ст. научн. сотрудник Института языкознания Г. П. Торсуев отметил отставание экспериментальной фонетики. До сих пор не установлено, какие звуки — гласные или согласные — наиболее напряженные, не ясно, что такое сильные и слабые согласные, слог, ударение, слоговая граница. Экспериментальная фонетика должна разработать эти понятия для тех, кто занимается фонологией и историей языка. Возражая против термина «архифонема», Г. П. Торсуев предложил ввести термин «диафон», который может употребляться для обозначения двух звуков, типологически даже не очень близких друг другу; эти звуки могут и не образовывать разных фонем.

И. Е. Аничков предложил вместо термина «сравнительноисторический» употреблять термин «сравнительный» на том основании, что термин «сравнительно-исторический» отсутствует в традиционном зарубежном языкознании. Г. С. Ахвеледiani и Н. Д. Андреев возражали также против термина «язык-основа», взамен которого предложили восстановить в своих правах «праязык». Б. В. Горнунг, признавая неудачность термина «язык-основа», сказал, однако, что вопрос здесь не в терминологии, а в существе дела. Существующие два термина отражают два совершенно разных понимания процессов образования и распада групп и семей родственных языков. По мнению Б. В. Горнунга, русский термин «праязык» и немецкий «Ursprache» со значением «праязык всего человечества» являются фикцией, и их употребление в этом значении было бы ошибочным.

С ценными замечаниями по проспекту выступили также Д. А. Кожухарь (Пятигорск), В. Е. Яристовская (Горький), М. Б. Ушаева (Пятигорск), И. П. Иванова и И. Б. Хлебникова (Ленинград) и др. Многие выступавшие говорили о необходимости создания лингвистического общества со своим периодическим журналом по вопросам романо-германской филологии, а также о координации работ по германистике. В. М. Жирмунский, выступивший от имени авторов проспекта, просил участников сессии, не имеющих возможности принять участие в обсуждении из-за ограниченности времени, выслать свои замечания в письменном виде.

На сессии были заслушаны письменные отзывы о проспекте «Сравнительной грамматики германских языков», поступившие в адрес Института языкознания от Тбилисского и Тартуского университетов, а также отзывы профессоров П. А. Ариста (Tartu), В. П. Лемана (Техасский университет, США), К. Боргстрема (Осло), Л. Л. Хаммериха (Копенгаген), Э. Эмана (Хельсинки) и Дж. Бовфанте (Генуя).

В заключение выступил директор Института языкознания проф. В. И. Боровский. Отметив исключительную плодотворность работы сессии и поблагодарив ее участников за ценные предложения, В. И. Боровский согласился с мнением выступавших о необходимости более частых проведенных подобного рода дискуссий, а также заверил аудиторию, что материалы сессии будут изданы отдельным томом «Докладов и сообщений Института языкознания Академии наук СССР».

И. Н. Анацкий

II

13 ноября 1956 г. на заседании Секции общего и сравнительно-исторического языкознания Ученого совета Института был заслушан и обсужден доклад доктора филол. наук Е. А. Бокарева на тему «Типологии искусственных международных языков»¹. В докладе был освещен ряд структурных особенностей этих языков.

В отношении словарного состава искусственные международные языки могут быть разделены на априорные, словарь которых обычно создается на основе специально разработанной классификации понятий (философский язык Д. Вилькинса — XVII в., язык ро — XIX в. и др.), и апостериорные, базирующиеся на словарном составе существующих языков. Языки апостериорного типа строятся на лексическом материале какого-либо одного языка (Latino sine flexione, Basic English), группы родственных языков (например, романаль) или на основе «интернационального корнеслова». Этот последний путь создания словарного состава искусственного международного языка оказался наиболее эффективным, хотя само понятие лексического интернационализма нуждается в уточнении. Так, отдельные языки могут почти совсем не содержать «интернациональных слов» (китайский язык) или использовать их с большими ограничениями (венгерский, чешский, армянский

¹ О докладе Е. А. Бокарева на тему «Современное состояние вопроса о международном вспомогательном языке» см. ВЯ, 1956, № 4, стр. 158—159. См. также: О. С. А х м а н о в а и Е. А. Б о к а р е в, Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема, ВЯ, 1956, № 6.

языки), а конкретные значения «интернационализма» в тех или иных языках могут быть самыми различными (ср., например, русск. *академия*, франц. *académie*, чешск. *akademie*, англо-амер. *academy* и др.)¹. Понятно, что в ряде случаев приходится все же использовать слова, свойственные только одному языку (англ. *yes* — эспер. *jes*). Докладчик коснулся и вопроса о путях создания в искусственных международных языках фразеологических сочетаний.

Подход к вопросам л о в о о б р а з о в а н и я в искусственных международных языках также может быть различным. Здесь противопоставляются языки с развитой автономной системой словообразования (эсперанто, идо, новиаль) и «натуралистические» языки, в которых пополнение словарного состава происходит в основном не за счет внутренних словообразовательных возможностей, а путем заимствования (окциденталь, или *interlingue*; интерлингва ИАЛА).

Докладчик кратко остановился также на дискуссии о логических основах словообразования между Л. Кутюра и другими теоретиками идо, с одной стороны, и Рене де Соссюром и его сторонниками (эсперантистами) — с другой. Л. Кутюра в интересной работе «*Studio pri la derivado*» (Paris, 1910) подверг критике эсперанто за его «недостаточную логичность»² и предложил весьма детализованную и значительно более сложную, чем в эсперанто, систему словообразования. Как отметил Е. А. Бокарев, естественные языки в подавляющем большинстве случаев обходятся без такой детализации в системе словообразования, какая осуществлена в идо. Излишний «словообразовательный логицизм» делает проекты подобного рода довольно сложными и снижает их практическую ценность.

Основным требованием к фонетической системе международного вспомогательного языка является то, чтобы ее усвоение не вызывало каких-либо трудностей для представителей самых различных языков. Понятно, что при этом языки апостериорного типа в какой-то мере связаны звуковым составом того языка (или языков), который взят за основу. Поэтому в языках такого типа трудно отказаться от использования, например, звука *p* (лат. *p*), несмотря на значительные различия между его вариантами в отдельных национальных языках.

В докладе были приведены близкие и, по-видимому, высказанные независимо одно от другого мнения И. А. Бодуэна де Куртене, Э. Сепира и Н. С. Трубецкого относительно того, каким должен быть минимальный звуковой состав искусственного международного языка [гласные: *a, u, y, (e), (o)*; согласные: *p, t, k, s, l, m, n, (r)*].

Что касается ударения, то авторы проектов искусственных языков обычно или прикрепляют его к определенному слогу (эсперанто — на предпоследнем слоге, то же — с некоторыми исключениями — в идо) или разрабатывают особую — порой довольно сложную — систему правил об ударении (интерлингве-окциденталь). Широкое использование разноместного ударения или полное отсутствие специальных акцентологических норм, естественно, делало бы более трудным процесс изучения вспомогательного языка или серьезно мешало бы правильному взаимопониманию.

Как правило, для искусственных языков предлагалась латинская графика. Случаи использования иной или создания особой графической системы — немногочисленны. Проекты языков «автономистского типа» в основном ориентируются на фонетическую орфографию; наоборот, проекты «натуралистического типа» используют традиционную орфографию, стремясь сохранить привычный орфографический облик слов.

Говоря о проблеме г р а м м а т и ч е с к о й с т р у к т у р ы вспомогательных международных языков, докладчик кратко остановился на вопросе о частях речи и вопросе о винительном падеже. Ссылаясь на эксперимент Л. В. Щербы, показавшего, что часто совершенно невозможно понять смысл предложения с привычными корнями слов, но с непонятными окончаниями, докладчик приходит к выводу, что наличие грамматических окончаний и, в частности, специальных показателей частей речи оказывается весьма важным. Большинство искусственных языков сравнительно легко обходятся без особого винительного падежа, представляющего известную трудность для изучения. Однако и здесь могут быть случаи, когда отсутствие специального показателя винительного падежа делает предложение недостаточно выразительным или даже непонятным.

В заключение Е. А. Бокарев указал на интересные дискуссии, которые вызывает вопрос о возможности и необходимости нормирования и регулирования процессов развития искусственных языков. Хотя стихийное развитие эсперанто, как показы-

¹ См.: E. Privat, *Pri vortoj internaciaj*, «Esperanto», 23, 1927, стр. 18—19; P. Neergaard, *Fremdvortoj en Esperanto*, Parizo, [1933], стр. 11 и сл. Из последних работ об «интернациональных словах» см. V. Fried, *Mezinárodní slova, jejich shoda a úskalí*, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXXVIII, číslo 4, 1956.

² См. также интересные замечания Н. В. Юманова в брошюре: N. Y u s h m a n o v, 100 Grundfehler des Esperanto, Berlin, [1926]; имеется шведский перевод этой работы, написанной автором на идо: N. Y u s h m a n o v, Esperantos 100 grundfel, Örebro, 1939.

вают факты, не приводит его к распадению на диалекты, к деформации его структуры и т. д., однако совершенно отказаться от сознательного регулирующего воздействия на процессы развития вспомогательного языка, очевидно, было бы нецелесообразно.

В прениях по докладу выступили старшие научные сотрудники Института Л. И. Жирков, Р. А. Будагов, П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский, канд. филол. наук В. П. Григорьев, мл. науч. сотрудник Ин-та востоковедения АН СССР В. П. Старинин. Все они отметили, что поставленные в докладе вопросы представляют большой интерес для общего языкознания. В выступлениях, в частности, затрагивался вопрос о возможном применении искусственного языка в качестве языка-посредника при машинном переводе. В то же время не встретила возражений мысль о том, что широкое использование вспомогательного международного языка как языка научных публикаций явилось бы радикальным решением той задачи, которую имеют в виду опыты машинного перевода. В связи с тем, что наша языковедческая общественность недостаточно знакома с существующей огромной литературой по проблемам интерлингвистики, было высказано пожелание об организации в Институте языкознания АН СССР специального семинара по этим вопросам.

В. П. Григорьев

В КОМИТЕТЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АН СССР

При Комитете технической терминологии АН СССР организована постоянная комиссия по научно-методологической разработке основ построения одноязычных и многоязычных терминологических сборников и словарей.

В компетенцию комиссии войдут такие вопросы, как принципы построения терминологических сборников и словарей, транслитерация и условные обозначения, употребляемые в словарных работах, создание терминологических картотек и организация внутреннего и международного обмена терминологическими карточками. Деятельность комиссии должна охватить вопросы о принципах организации терминологической работы в союзных республиках, в том числе и вопрос об основах построения национальной терминологии на языках союзных республик.

Комиссия ставит своей задачей также участие в работе Комитета ИСО ТК-37 и ЮНЕСКО по разделу словарно-терминологической работы, в заседаниях его пленумов, рабочих групп и т. д.

Первое заседание комиссии, на котором обсуждался проект основных требований для составления терминологических сборников и словарей и вопрос о создании обменных терминологических карточек, состоялось 29 ноября 1956 г. Этот проект после доработки будет опубликован в целях широкого обсуждения.

В состав комиссии введены сотрудники: Института языкознания АН СССР — Е. А. Бокарев, А. А. Реформатский, С. И. Ожегов, А. М. Бабкин и Н. А. Баскаков, Всесоюзного института научной и технической информации — Ю. В. Семенов и П. К. Горохов и Комитета технической терминологии — В. Н. Костров — председатель комиссии и Л. А. Силина — секретарь. По мере необходимости для работы в постоянной комиссии будут приглашаться ученые и других институтов и организаций.

В комиссию можно обращаться по адресу: Москва, Малый Харитоньевский пер., д. 4, комн. 24; тел. Б-8-11-33.

Л. А. Силина